

УДК 973.03

РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС В РАННЕЙ ПОЛЕМИКЕ АМЕРИКАНСКИХ РЕФОРМАТОРОВ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ

С. А. Васильева

Васильева Светлана Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии и истории, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, vasi-svetlana@yandex.ru

В статье рассматривается влияние теологических взглядов представителей американских протестантских конфессий на формирование теоретико-методологических основ американских пенитенциарных систем. США принято считать «пионерами» в осуществлении тюремных реформ XIX века. Именно здесь были созданы первые прогрессивные системы содержания заключенных – пенсильванская и оборнская, элементы которых впоследствии, так или иначе, были заимствованы европейскими и российскими пенитенциарными реформаторами. Характерной чертой начального этапа реформ в США было сильное влияние религиозных воззрений социально активных представителей американского протестантизма.

Ключевые слова: США, американские пенитенциарные реформы, пенсильванская и оборнская системы тюремного содержания, протестантизм, исправительная тюрьма (пенитенциарий).

Religious Discourse in the Early Debates of Penitentiary Reformers in the USA

S. A. Vasileva

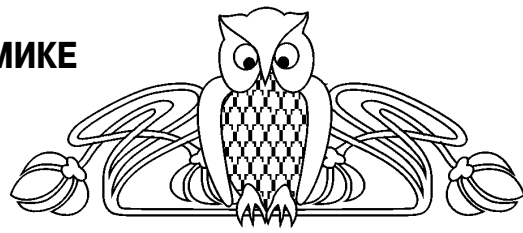
Svetlana A. Vasileva, ORCID 0000-0002-3030-262X, Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia, 1, Sennaya Str., Ryazan, 390000, Russia, vasi-svetlana@yandex.ru

The article examines the impact of the theological views of the American Protestant denominations representatives on the formation of theoretical and methodological foundations of the American prison systems. The U. S.A. is considered to be the «pioneers» in the realization of prison reforms in the nineteenth century. Actually it was in America that the first progressive penitentiary systems were arranged: Pennsylvania and Auburn systems. The elements of American prison systems were later borrowed by European and Russian penal reformers. A characteristic feature of the initial phase of penitentiary reforms in the USA was a strong influence of the Protestant religious views.

Key words: USA, American prison reform, Pennsylvania and Auburn prison systems, Protestantism, training prison (penitentiary institution).

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-2-216-222

Наказание или исправление? Более трехсот лет не прекращается спор о том, какую цель должно преследовать тюремное заключение: карательную или исправительную? Корни этой дискуссии уходят в XVIII столетие, когда под влиянием идей просвещения и гуманизма зазвучали фило-

софские, правовые и религиозные доводы в поддержку кардинальной трансформации системы исполнения уголовных наказаний. Карательная зрелищность средневековья – публичные казни, телесные наказания и пытки – постепенно уходила в прошлое, уступая место видам наказания, базирующимся на обеспечении изоляции преступника от общества. Подобные институциональные изменения в системе исполнения уголовных наказаний в странах Европы и Америки носят собирательное название «пенитенциарные реформы», которые растянулись более чем на столетие.

Практически одновременно с этими реформами зародилась дискуссия, не утратившая актуальность и в наши дни, по вопросу первостепенной цели уголовного наказания в виде лишения свободы. Все многообразие концепций, отражающих криминологические, религиозные, философские, педагогические аспекты рассматриваемой проблемы, можно упрощенно свести к противостоянию сторонников репрессивного и гуманистического подхода. В представлениях приверженцев уголовной репрессии пенитенциарная система должна устрашать преступника, формировать у него страх перед наказанием и таким образом сдерживать его от совершения повторного преступления¹. Сторонники гуманистического подхода, напротив, выдвигают принцип исправления преступника как базовую ценность и идеальную цель уголовного наказания в виде лишения свободы.

Исторически первые пенитенциарные модели, которые в корне изменили представления о методах и средствах тюремного заключения, появились в Соединенных Штатах Америки в конце XVIII – начале XIX в. Путь пенитенциарных реформ, который прошли страны Европы и Россия, в целом опирался на американский опыт, в одном случае полностью копируя пенитенциарные модели, в другом – отрицая и критикуя их результаты. Поэтому не будет преувеличением констатировать основополагающее влияние американского тюремноведения на складывание основ международной пенитенциарной практики. Цель данной статьи – проследить влияние теологических взглядов представителей христианских протестантских конфессий на формирование теоретико-методологических основ американских пенитенциарных систем. Хронологические рамки исследования – первая четверть XIX в. – обусловлены тем, что в это время появились первые религиозные филантропические организации, которые задались целью улучшить условия тюремного

содержания и превратить заключение в средство нравственного исправления осужденного.

Первыми исследователями американского тюремного эксперимента стали французы Алексис де Токвиль и Гюстав де Бомон, которые в 1831 г. совершили годовое заокеанское путешествие, главной целью которого было заявлено «изучение пенитенциарных учреждений США». Результат годового пребывания французов в Новом Свете – политический трактат «Демократия в Америке», названный «сразу лучшей когда-либо написанной книгой о демократии и лучшей книгой об Америке», – произвел глубокое впечатление на европейское интеллектуальное сообщество. Однако непосредственно пенитенциарным учреждениям в книге уделен всего один абзац, а слово «тюрьма» встречается по тексту обоих томов не более десяти раз. Анализ американских прогрессивных тюремных учреждений представил Г. де Бомон в труде «*Traité du système pénitentiaire aux Etats-Unis et de son application à la France*» (Париж, 1832 г.), который, в отличие от популярных сочинений де Токвиля, был замечен только в кругу специалистов². Таким образом, на Европейском континенте стало известно о двух американских пенитенциарных системах, которые меньше чем за полвека были внедрены в практику ведущих европейских стран. В российской пенологии эти системы стали известны как филадельфийская (пенсильванская, квакерская, келейная) и оборнская (обернская, нью-йоркская) и впервые были описаны в середине XIX в. чиновниками МВД А. Пассеком и М. Галкиным после их путешествия, посвященного изучению пенитенциарных практик зарубежных стран³.

С того времени американский опыт неоднократно становился предметом детального научного анализа, однако в отечественной научной литературе доминирует чисто юридический подход к проблеме. Так, например, при разборе филадельфийской пенитенциарной системы пристальное внимание уделялось развернутой критике губительных последствий принципа одиночного заключения. Анализ оборнской системы построен в контексте становления системы принудительного труда и внутритенитенциарных дисциплинарных практик. Все это привело к тому, что в отечественной научной традиции преобладает склонность оценивать исторически первые американские пенитенциарные системы как репрессивные, базирующиеся на «неизменности человеческой природы, теории несправимости личности, которую нужно устранивать»⁴. Такая оценка грешит тенденциозностью и односторонним подходом, так как учитывает в основном последствия американского пенитенциарного опыта и его проецирования в европейских практиках. Есть основания полагать, что в русскоязычной, преимущественно историко-правовой, научной литературе практически не учитывается влияние

американской религиозности на смену парадигмы уголовных наказаний.

Протестантские реформаторы сыграли ключевую роль на начальном этапе американских пенитенциарных экспериментов на рубеже XVII–XIX веков. Еще с колониальных времен религия была важной формой социального контроля и предоставляла как бы «субуровень» государственной власти. Так, например, при формировании негативной социальной оценки преступления авторитеты гражданской и религиозной властей были единодушны в вопросах греха и преступления. Как отмечал историк М. Меранц, «в колониальную эпоху уголовное наказание демонстрировало, в общем и целом, как религиозную, так и политическую власть по отношению к преступнику»⁵. Наказание всегда было публичным: священник-пуританин, к примеру, мог начать проповедь в духе послания к Римлянам: «ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое» (Послание к Римлянам 13:4), т. е. трактовать гражданскую власть, как поддерживаемую Богом форму социального порядка. Из этого следовало, что нарушители закона согрешили перед обществом равно как перед Богом. Суровое наказание (в подавляющем большинстве случаев – смертная казнь), с одной стороны, представлялось знаком того, что пуритане верны Завету, заключенному с Богом, с другой – интерпретировалось как восстановление нарушенного общественного порядка, своеобразный ритуал отпущения и возмещения за причиненное зло. Зрелищность этой процедуры предположительно выполняла дидактические функции – строгость кары внушала народным массам чувство страха, которое обеспечивало повиновение и послушание. После окончания войны за независимость американских штатов, в условиях построения новой американской государственности произошел значительный отход от юридической практики колониальной эпохи и переход к системе наказаний, направленной на реформирование преступника.

Первые практические исследователи американского эксперимента Г. де Бомон и А. де Токвиль побывали в тюрьмах и пенитенциариях различных штатов: от Массачусетса до Луизианы. Уже тогда французы зафиксировали состоявшийся резкий переход от старой карательной системы уголовных наказаний к прогрессивной пенитенциарной, с ярко выраженным «исправительным» характером. Они высоко оценили дисциплинарные меры, сочетающие различные формы изоляции и труда, программы образования, религиозного воспитания и физического развития заключенных. Токвиль и Бомон первыми отметили ключевое влияние религии на процесс реформирования американской тюремной системы: «В Америке прогресс тюремной реформы пенитенциарной системы был изначально триумфом религии.

Реформаторы, возбуждаемые исключительно религиозным рвением, задумали и выполнили все, что было запланировано; они, безусловно, действовали не в одиночку; но именно их рвение придало импульс всему остальному, и до сих пор вызывает в сердцах и умах тот пыл, который вдохновляет их последователей. В настоящий момент религия – фундаментальный элемент тюремной дисциплины и реформы в целом ... Именно ей [религии] одной принадлежит успех идущей реформы»⁶. Французы обозначили ключевую роль протестантских благотворительных обществ в становлении первых прогрессивных пенитенциарных учреждений. С подобной оценкой концептуальных основ американской пенитенциарной реформы, бесспорно, соглашаются исследователи различных направлений в зарубежной историографии вопроса, однако их взгляды на глубинные причины доминирования религии на начальном этапе реформ отличаются разнообразием антонимичных контекстов.

Впоследствии это стало распространенным приемом – рассматривать становление американских пенитенциарных систем в контексте актуального поиска «американской христианской идентичности», характерного для молодого государства начала XIX века. Сторонники такого взгляда убеждены, что в условиях, когда никакая деноминация не пользовалась прямой поддержкой государства, многие конфессии пытались упрочить свое положение через активное участие в общественно-политических и социальных реформах⁷. Популярными были социальные проекты борьбы с бедностью и работорговлей, ликвидации безграмотности, диспансеризации населения и, безусловно, гуманизации уголовного наказания. В этих условиях «застолбить» сектор пенитенциарных реформ в общем государственно-политическом строительстве виделось для многих конфессий удачным политическим и теологическим решением. Исследователь американского протестантизма К. Смит назвал эту деятельность «повествованием о смерти и воскрешении», которое превратило тюремную камеру в арену «нового политического ритуала»⁸.

Американские протестанты сначала добились признания за религией ведущей роли в нравственном перерождении преступника, а затем, с опорой на поддержку общественности и гражданских властей, приступили к реализации своего «Святого эксперимента» в области исполнения наказаний. Участники первых пенитенциарных дискуссий в целях привлечения общественного мнения и государственной поддержки в продвижении конкретных дисциплинарных режимов энергично апеллировали к религии. Однако уже на начальном, условно говоря, концептуальном, этапе американские протестантские конфессии размежевались в вопросе об отношении к преступнику и целях тюремного содержания. Приверженцы «нового пуританизма», которые,

по наблюдениям одного из крупнейших специалистов по социальной истории Дж. Тревельяна, «старались применять милосердие Нового Завета, вместо грубых наставлений Ветхого, с которыми шли в битву войска Кромвеля»⁹, были убеждены в том, что первостепенная задача пенитенциарной реформы – обеспечить исправление и перевоспитание заключенного. Несмотря на их внутренние богословские различия, такой взгляд в целом соответствовал теологии квакеров, методистов, конгрегационалистов, пресвитериан и «Учеников Христа»: все они утверждали, что христианские принципы милосердия должны стать основой построения гуманных реформаторских пенитенциарных практик. Такая позиция созвучна с мнением сторонников гуманистического подхода в мировой пенологии, в соответствии с которым преступник может и должен быть «исправлен».

Самую развитую концепцию пенитенциарного исправления представили адепты Религиозного общества друзей (квакеры). Их кампания по реформации тюремного заключения началась одновременно по обе стороны океана – на родине, в Англии, и в землях Нового Света. Основу духовного учения квакеров составляет «копыт внутреннего света» – вера в то, что «частица Бога» существует внутри каждого человека независимо от возраста, пола, социального положения, расовой или национальной принадлежности, а также (что имело определяющее значение!) от нравственного облика. Именно «внутренний свет» дает возможность даже самому закоренелому преступнику, как бы глубоко он не погряз в грехах и преступлениях, покаяться, обратиться и исправиться. Квакеры стали активными аболиционистами в отношении смертной казни как меры уголовного наказания. Их религиозные принципы отрицали саму возможность морального права служителя закона приговаривать к смертной казни: «отнять жизнь у человека, даже руководствуясь законами правосудия, противоречит духу и букве евангельской веры». Смертный приговор в глазах «друзей» выглядел как «узурпация прерогативы Всевышнего»¹⁰. В качестве альтернативы «вечному наказанию» для грешников протестанты предлагали возможность спасения через покаяние и возвращение в общество. Провозглашая «Евангелие моральной честности», квакеры верили, что «через покаяние обретается прощение», и только коренное перевоспитание может открыть заблудшему в пороке преступнику приемлемые стандарты поведения в цивилизованном обществе. Исходя из этого, исправление требует глубокого и длительного по времени раскаяния, возможного в условиях реформированного тюремного заключения.

В 1787 г. пенсильванские квакеры основали «Общество облегчения страданий арестантов», которое выработало простые принципы новой тюремной дисциплины, основанной на строгом разделении заключенных, обеспечении полной тишины, условий для чтения Библии и простого

труда. На начальном этапе отбывания наказания келейное заключение предполагало полную изоляцию заключенных днем и ночью, дабы «исключить любую возможность порочного влияния внешнего мира»¹¹. Арестант мог покинуть камеру и перемещаться по коридорам только в черном капюшоне, закрывающем лицо; круг занятий заключенного на данном этапе ограничивался только приемом пищи и чтением Библии, а круг общения – тщательно отобранными людьми. Теоретики пенсильванской пенитенциарной системы – Дж. Смит, Р. Вокс, Э. Дорсей – утверждали: «Каждый заключенный сам превратится в инструмент собственного наказания: его совесть станет тем самым инструментом возмездия. Заключенный в полном одиночестве, отдаленный от порочного окружения, без возможности соприкосновения с побочными соблазнами... арестант будет вынужден задуматься о своем грехе, услышать голос совести, пробужденный силой религии»¹².

Первый период полной изоляции «без товарищей, книг и инструментов» заканчивался полным осознанием «глубины своего греха/преступления». На следующем этапе отбывания наказания по филладельфийской системе вводится понятие «реабилитация»: заключенный получал возможность заниматься определенной работой в своей келье. Авторы системы считали, что трудовая деятельность, введенная на данном этапе, будет рассматриваться не как наказание (как это предполагалось при отбывании наказания в рабочих домах), а как «излечение». Ежедневность труда должна войти в стойкую привычку, и тогда появляется шанс вернуть в общество ответственного и трудолюбивого работника, свободного от пороков лени и праздности¹³. Законотворческие инициативы филладельфийских протестантов в области пенитенциарного реформирования были одобрены властями штата: в тюрьме Уолнат Стрит (Walnut Street Jail) был впервые реализован «Святой эксперимент» по организации исправительно-одиночного тюремного заключения.

Отдельной вариацией развития гуманистических взглядов адептов «Религиозного общества друзей» можно считать проект американского просветителя, филантропа и реформатора Томаса Эдди по созданию первой государственной тюрьмы в штате Нью-Йорк. Т. Эдди видел в христианской религии мощный потенциал для стабилизации социального порядка и источник нравственного перерождения преступной личности. Однако, оппонировав своим собратьям по вере, – филладельфийским квакерам в вопросах одиночного заключения – Т. Эдди предложил модель пенитенциарного учреждения на манер «закрытого сада». На абсолютно изолированной от внешнего мира территории располагались тюремные блоки с камерами, рассчитанными на содержание 8 человек, мастерские, хозяйственные постройки, моленные комнаты и помещения для воскресных занятий¹⁴. Воспитанный в квакерской

религиозной общине, Т. Эдди невольно переносил основные ее черты – молитвенные встречи, совместный труд – на коллектив создаваемого им пенитенциарного учреждения. По оценке, которую дала проекту Эдди исследовательница Г. Финней, «этот сад предполагал некую идеализированную альтернативу социальной реальности»: «высадив целый клубок криминальных элементов» в нью-йоркском «Эдеме», Эдди «надеялся собрать урожай в виде благонравного поведения и дисциплины»¹⁵.

Исходя из вышеизложенного, любопытным представляется наблюдение, что в последующей светской оценке результатов квакерского «Святого эксперимента» пенсильванская система остро критиковалась уже современниками за чрезмерную репрессивность. Обеспечение полной изоляции «для обнаружения внутреннего света» оборачивалось суицидами, невротическими расстройствами и душевными болезнями. «Приговор» филладельфийцам вынес классик английской литературы Чарльз Диккенс в произведении «Американские заметки»: «Мне кажется, лишь очень немногие способны в полной мере представить себе те пытки и мучения, которые испытывают несчастные, обреченные долгие годы нести это наказание; я сам могу лишь догадываться об этом, но, сопоставляя то, что я прочел на их лицах, и то, о чем – я знаю – они умалчивают, я еще более утвердился в своем мнении: тут такие страдания, всю глубину которых могут измерить лишь сами страдальцы и на которые ни один человек не вправе обрекать себе подобных. Я считаю это медленное, ежедневное давление на тайные пружины мозга неизмеримо более ужасным, чем любая пытка, которой можно подвергнуть тело; остающиеся им страшные следы и отметины нельзя нащупать, и они не так бросаются в глаза, как рубцы на теле; наносимые им раны не находятся на поверхности и исторгаемые им крики не слышны человеческому уху, – я тем более осуждаю этот метод наказания потому, что, будучи тайным, оно не пробуждает в сердцах людей дремлющее чувство человечности»¹⁶.

Судьба проекта Т. Эдди емко укладывается в изречение: «благими намерениями вымощена дорога в ад», так как спроектированная им тюрьма Ньюгейт в штате Нью-Йорк буквально за десятилетие приобрела дурную славу, клеймо «тлетворных испарений» и «моральной чумы». Совместное содержание преступников в камерах привело к созданию стойких общин, но отнюдь не религиозного характера, как мечтал реформатор-идеалист, а преступно-криминального.

Второй вариант воплощения американской религиозности в реформаторских пенитенциарных проектах начала XIX в. представлен позицией американских кальвинистов и близких к ним протестантских конфессий. И если проект Томаса Эдди можно свести к модели «тюрьма как сад», то кальвинистскому пониманию тюрьмы

подойдет образ «горнило страданий». Отсылая к пророку Исаии, изрекшему: «Вот, Я расплавил тебя, но не как серебро; испытал тебя в горниле страдания» (Исаия 48:10), сторонники «очищения через страдания» выстроили свою концепцию пенитенциарного исправления. В толковании Книги пророка Даниила «горнило» трактуется как приспособление, в которое помещают драгоценные металлы (такие как золото и серебро), чтобы под воздействием высокой температуры очистить их от всяких примесей. Точно так же горнило страдания – это нечто, куда Господь помещает Своих драгоценных людей (сбившихся с пути), чтобы очистить от примесей. Конечно, горнило подразумевает высокую температуру. В Писании сказано: «Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью», тем не менее «после наученным через него доставляет мирный плод праведности» (Послание к Евреям 12:11). Такая теология в целом укладывается в кальвинистскую концепцию божественного предопределения: в тюрьму человека приводит непостижимый ход божественных замыслов, в том числе ниспослание страданий, необходимых для спасения. Те, кто выходит из горнила, становятся белыми, ясными, очищенными. Они понимают законы Господни не только головой, но и сердцем.

Первый капеллан нью-йоркской тюрьмы Преподобный Джон Стэнфорд, конфессионально принадлежащий к баптизму, призывал заключенных смиренно принимать жестокие муки моральных страданий и физических ограничений, к которым их приговаривает земной закон в лице государства. Какими бы унижительными и ужасными не были эти мучения, они необходимы как часть очищения. Представляя тюрьму «горнилом страданий», Стэнфорд, однако, подчеркивал, что она не должна быть местом мучения, пыток и издевательств. Больше всего он ценил «тишину тихого отлаженного механизма», где царит порядок и полное подчинение. Он сравнивал горнило страданий с механизмом доменной печи, в которой сотни частей работают слаженно, чтобы создавать жар, необходимый для трансформации металлов в полезные вещи¹⁷. Стэнфорд призывал заключенных соблюдать правила и принимать наказание как Божественную кару в наказанье за грех, в награду же предполагалось предопределение ко спасению¹⁸.

Как и филаделфийцы, сторонники «очищения через страдания» считали, что заключенного можно и нужно исправить, однако кальвинистское видение миссии тюремного заключения значительно отличалось от квакерского понимания. Американские кальвинисты и близкие к ним течения признавали за государством право насилия как реализацию Божьей справедливости, но в то же время они проповедовали, что гражданской власти не достаточно для воплощения этой справедливости. Несмотря на то что наказание правонарушителей – прерогатива государства,

служители слова Божьего необходимы, чтобы «подтолкнуть» грешника на путь божьей благодати и спасения, как сказано в Писании: «Он не поддерживает нечестивых и воздаст должное угнетенным... Если же они окованы цепями и содержатся в узах бедствия, то Он указывает им на дела их и на беззакония их, потому что умножились, и открывает их ухо для вразумления и говорит им, чтоб они отстали от нечестия. Если послушают и будут служить Ему, то проведут дни свои в благополучии и лета свои в радости; если же не послушают, то погибнут от стрелы и умрут в неразумии» (Иов: 36:6–13).

Богословская концепция американских кальвинистов и близких к ним течений о тюрьме как «горниле страданий» стала прологом к пониманию и интерпретации методов тюремной дисциплины оборнской пенитенциарной системы. Как уже отмечалось выше, в отечественной исследовательской традиции, которая не учитывает религиозный дискурс первых американских тюремных реформ, оборнская система трактуется как репрессивная модель, в которой строжайшая дисциплина, режим полного молчания и жестокие телесные наказания были основными средствами устрашения и сдерживания повторного преступления¹⁹. Однако в свете вышеобозначенной теологической концепции «очищения через страдания», которую последовательно проводили оборнские тюремные капелланы, применяемые в Оборне методы в определенной мере можно классифицировать как исправительные. Третий директор Оборна Дж. Пауэр, принявший управление тюрьмой в 1825 г., отводил тюремному капеллану важную роль в обеспечении тюремного режима и дисциплины: «тюремный священник должен открыть перед ним [заключенным] глубину вины и греховности, растолковать смысл нарушения законов Божьих и убедить в справедливости приговора, выносимого от лица государственной власти». По его мнению, священник должен показать глубину греха, растолковать суть покаяния, которое достигается смирением и полным подчинением режиму тюрьмы. Пауэр призывал капелланов стимулировать психологические страдания: «изобличить суть его [преступника] греховности, чтобы муки совести жалили острее, чем жало скорпиона, до тех пор, пока интенсивность его терзаний не подчинит строптивость нравов, не склонит перед осознанием чудовищности своего преступления и не поставит перед надобностью исправления»²⁰. Отсюда следует предположение: по оценке представителя тюремной администрации, религия представляла собой незыблемую основу нравственного перерождения заключенного, а главной задачей, стоящей перед тюремным священником, было приучение арестантов к смирению, покорности и дисциплине.

В оборнской пенитенциарной традиции светская власть и религия явили пример сотрудничества, характерный для исполнения уголовных

наказаний в предшествующую эпоху. Однако карательная традиция средневекового правосудия склонялась к интерпретации наказания как Божественного возмездия за грех, а в религиозном контексте американских пенитенциарных реформ первой четверти XIX в. наказание трактовалось как пролог к спасению и исправлению. По замечанию исследовательницы Дж. Грабер, Пауэр хотел использовать капелланов, чтобы «языком и именем неба поддерживать порядок на земле»²¹. В 1822 г. Евангельский вестник опубликовал небольшой памфлет «Милосердие орудует мечом справедливости: диалог между тюремным надзирателем и заключенным в день его освобождения». Размышляя о наказании, которое он отбывал, бывший арестант обращается к надзирателю словами Писания: «Я сполна познал смысл изречения: “Готовы для кощунствующих суды, и побои – на тело глупых”» (Книга Притчей). Приняв намек заключенного на наказание кнутом, инспектор предполагает, что такое наказание было «весьма болезненным». Бывший арестант, тем не менее, уверяет его, что «полосы на спине нанесены в милость» и были «предназначены для моего блага». Признавая раскаяние заключенного, тюремщик указывает на «прощение прегрешений». Прежде чем отправиться на свободу, заключенный отвечает: «Я принимаю прощение как подарок с небес»²².

В XIX в. европейские пенитенциарные реформаторы высоко оценили американский опыт, и уже к середине столетия Западная Европа «покрылась» сетью пенитенциариев пенсильванской и оборнской моделей. Однако при многократном воспроизведении этих образцов их теологическая основа была постепенно утрачена, уступив место механическому повторению архитектурного дизайна, особенностей режима и организации трудовой деятельности арестантов. Справедливости ради следует отметить, что к моменту масштабного внедрения американских пенитенциарных систем в европейских странах влияние религии на ход тюремного реформирования в самих Штатах было существенно ограничено, уступив место иным государственным и утилитарно-хозяйственным интересам.

Таким образом, рассматривая влияние религии на пенитенциарные реформы в США, мы можем говорить о ее определяющем влиянии, но только на начальном ее этапе – в первой четверти XIX столетия. Теологические дискуссии ранних религиозных реформаторов – филаделфийцев и ньюйоркцев – о методах духовного воздействия на личность преступника привели к появлению первых исправительных пенитенциарных моделей. Сторонники позиции «тюрьма как Эдем» исходили из необходимости «излечения» души путем религиозно-нравственного воздействия. Именно в идеологических установках американских квакеров исправительная идея наказания впервые приобрела практическую направленность. Тео-

логические оппоненты квакеров – сторонники концепции «горнила страданий» – считали, что тюрьма не должна быть местом неги и достатка, а путь к спасению должен пролегать через очищение трудом и жесткой дисциплиной. Постепенно в рядах пенитенциарных реформаторов оставалось все меньше религиозных деятелей, на место которых приходили политики, общественные деятели, аболиционисты и филантропы. Американские пенитенциарные историки представляют *довоенные* тюрьмы «ареной столкновения светских и религиозных тенденций в оспаривании прав на определенный сектор государственного механизма». А исследовательница Дж. Грабер вообще убеждена, что «к 1804 г. исторический момент, когда протестантские реформаторы имели определяющее воздействие на тюрьмы Нью-Йорка, был упущен»²³. Впоследствии тюремное реформирование становится сугубо государственной прерогативой: филаделфийская и оборнская пенитенциарные модели подверглись детальному анализу с позиций рентабельности, преступных рецидивов, влияния на физическое и психическое здоровье заключенных. Теологические дискуссии постепенно перешли в плоскость политических дебатов, и именно в таком состоянии эти две системы были экспортированы на Европейский континент и детально изучены и описаны, в том числе отечественными исследователями-пенитенциаристами в XIX веке²⁴. Вследствие этого в научной литературе возник небольшой пробел в изучении генезиса и эволюции американских тюремных реформ. В данной статье мы попытались актуализировать религиозный аспект в истории ранних американских пенитенциарных реформ преимущественно в контексте гуманистического подхода к исполнению наказания.

Спустя столетия, в XXI в. общество еще окончательно не определилось с социальной ролью уголовно-исполнительной системы. Несмотря на повсеместный декларативно подтвержденный исправительный характер современной тюремной системы, многие справедливо склонны признавать тюрьму сугубо карательным учреждением. В то же время общественное мнение единодушно продолжает видеть в религии силу, обладающую широкими реформаторскими возможностями воспитательного характера, и связывает определенные надежды с этим социальным институтом.

Примечания

- 1 См.: Дмитриев Ю. А., Казак Б. Б. Пенитенциарная психология. Ростов н/Д, 2007.
- 2 Beaumont G. de, Tocqueville A. de. On the Penitentiary System in the United States and Its Application in France. Philadelphia, 1833.
- 3 См.: Галкин М. Н. Материалы к изучению тюремного вопроса. СПб., 1868.
- 4 Дмитриев Ю. А., Казак Б. Б. Указ. соч. Гл. 3. С. 174.

- 5 *Meranze M.* Penalty and the Colonial Project : Crime, Punishment, and the Regulation of Morals in Early America // *The Cambridge History of Law in America*. Vol. 1. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. P. 188.
- 6 *Beaumont G. de, Tocqueville A. de.* Op. cit. P. 121.
- 7 См. например : *The Civic Life of American Religion* / eds. P. Lichterman, C. B. Potts. Stanford, 2009.
- 8 *Smith C.* The Prison and the American Imagination. New Haven, 2009. P. 13.
- 9 *Тревельян Дж. М.* Социальная история Англии от Чо-сера до королевы Виктории. Смоленск, 2002. С. 375.
- 10 *Religious Society of Friends, Rules of discipline of the Religious Society of Friends, with Advices : being Extracts from the Minutes and Epistles of their Yearly Meeting, held in London, from its First Institution.* 3rd ed. L., 1834. P. 346.
- 11 *Rothman D. J.* The Discovery of the Asylum : Social Order and Disorder in the New Republic. Boston, 1971. P. 86.
- 12 *Smith G. W.* A Defense of the System of Solitary Confinement of Prisoners. Philadelphia, 1833. P. 71, 75.
- 13 *Vaux R.* Notices of the Original and Successive Attempts to Improve the Discipline of the Prison at Philadelphia and to Reform the Criminal Code of Pennsylvania. Philadelphia, 1810. P. 12.
- 14 *Eddy T.* An Account of the State-Prison or Penitentiary House in the City of New-York. N. Y., 1801. P. 15–16, 34.
- 15 *Finney G.* Garden Paradigms in 19th Century Fiction // *Comparative Literature*. 1984. (Winter). Vol. 36, № 1. P. 21–22.
- 16 *Диккенс Ч.* Американские заметки. Глава VII. Филадельфия и ее одиночная тюрьма // *Диккенс Ч. Собр. соч.* : в 30 т. Т. 9. М., 1958. С. 125.
- 17 *Sommer C. G.* Memoir of the Rev. John Stanford. N. Y., 1835.
- 18 *Stanford J.* The Prisoner's Companion. N. Y., 1827. P. 14.
- 19 См.: *Чакубава Ю. В.* Социально-педагогические основы деятельности пенитенциарной системы США : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1993. 28 с.
- 20 *Powers G.* A Brief Account of the Construction, Management, and Discipline of the New-York State Prison at Auburn, Together with a Compendium on Criminal Law. Also a Report of the Trial of an Officer of Said Prison for Whipping a Convict. Auburn. N. Y., 1826. P. 35.
- 21 См.: *Graber J.* The Furnace of Affliction : Prisons & Religion in Antebellum America. North Carolina, 2011. P. 87.
- 22 *The Sword of Justice Wielded by Mercy : A Dialogue Between the Inspectors of the State Prison, in New-York, and a Convict on the Day of His Liberation* // *Office of the Gospel herald*. N. Y., 1822. P. 10–11.
- 23 *Graber J.* Op. cit. P. 44.
- 24 См.: *Пассек А. В.* Проект о преобразовании тюрем. СПб., 1867 ; *Галкин М. Н.* Указ. соч.

Образец для цитирования:

Васильева С. А. Религиозный дискурс в ранней полемике американских реформаторов пенитенциарной системы // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения*. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 216–222. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-2-216-222.

Cite this article as:

Vasileva S. A. Religious Discourse in the Early Debates of Penitentiary Reformers in the USA. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 216–222 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-2-216-222.